

УДК 433

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.01

Фаизова Ирина Викторовна

кандидат исторических наук

Музеи Московского Кремля

Москва, Россия

faizovy@mail.ru; ORCID: 0009-0008-3142-5841

УТВЕРЖДЕНИЕ НА РОССИЙСКОМ ПРЕСТОЛЕ ЕКАТЕРИНЫ II И ПИАР-КАМПАНИЯ 1762–1763 гг.

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания и презентации официального образа Екатерины II в 1762–1763 гг. Тема ранее не изучалась исследователями, что и определяет ее актуальность.

Дворцовый переворот 28 июня 1762 г., в ходе которого законный император был свергнут и убит, а его супруга-иноземка пришла к власти, был неоднозначно воспринят современниками. Для удержания власти необходимо было обосновать неспособность Петра III править страной и создать такой образ Екатерины II, который убеждал бы подданных в ее исключительных личных качествах, позволивших преступить закон. Эти задачи решались в ходе политической пиар-кампании, развернувшейся в 1762–1763 гг.

Образ императрицы первоначально был разработан законодательно первыми указами новой власти и подавался на фоне негативных характеристик свергнутого императора. Государственный переворот против Петра III был объявлен героическим актом спасения государства. Императрицу провозгласили «Богом данной», «Героиней», «Спасительницей Отечества и православия», «Матерью Отечества». Ее символически включили в генеалогическое древо Романовых как «внуку» Петра I и «племянницу» Елизаветы Петровны. Подписанные императрицей документы повелевали титуловать ее Великой и Всемилощивейшей.

Образ Екатерины II тиражировала пресса, озвучивали профессора Академии наук и Московского университета во время торжественных заседаний; для жителей столиц он визуализировался во время зрелищных представлений. Его первая публичная презентация состоялась в Москве во время праздничных мероприятий по случаю коронации. Декорации триумфальных ворот, коронационный костюм императрицы, праздничные иллюминации и фейерверки воплощали ее официальный образ и обосновывали легитимность ее власти. Во время аллегорических представлений императрицу начали уподоблять античным богиням Минерве и Астрее.

Рассмотренные материалы позволяют заключить, что утверждение на российском престоле Екатерины II стало результатом не только успешного переворота, но и виртуозно проведенной пиар-кампании, в ходе которой супруга покойного императора для современников и потомков была превращена в героическую «Спасительницу России и православия» и «Великую Мать Отечества».

Ключевые слова: Екатерина II, Петр III, образ императрицы, пиар-кампания, коронация, иллюминации, фейерверки, маскарад.

UDC 433

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.01

Faizova Irina V.

Candidate of Historical Sciences

Moscow Kremlin Museums

Moscow, Russia

faizovy@mail.ru; ORCID: 0009-0008-3142-5841

APPROVAL OF CATHRIN II ON THE RUSSIAN THRONE AND THE PR CAMPAIGN OF 1762–1763

Abstract. The article discusses the process of development and presentation of the official image of Catherine II in 1762–1763. The topic has not been previously studied by researchers, this determines its relevance.

The coup d'état on June 28, 1762, during which the legitimate emperor was overthrown and killed, and his foreign wife came to power, was ambiguously perceived by contemporaries. To retain power, it was necessary to justify the inability of Peter III to rule the country and create such an image of Catherine II that would convince her subjects of her exceptional personal qualities, which allowed her to break the law. These tasks were solved during the political PR campaign that unfolded in 1762–1763.

The image of the empress was originally developed legislatively by the first decrees of the new government and was presented against the background of the negative characteristics of the deposed emperor. The coup d'état against Peter III was declared a heroic act of saving the state. The Empress was proclaimed “Given by God”, “Heroine”, “Savior of the Fatherland and Orthodoxy”, and also “Mother of the Fatherland”. She was symbolically included in the Romanov family tree as the “granddaughter” of Peter I and the “niece” of Elizabeth Petrovna. The documents signed by the Empress commanded to title her “Great” and “Mother of the Fatherland”.

The official image of Catherine II was replicated by the press, voiced by professors of the Academy of Sciences and Moscow University during ceremonial meetings, for residents of the capitals it was visualized during spectacular performances. Its first public presentation took place in Moscow during the celebrations on the occasion of the coronation. The scenery of the triumphal gates, the coronation costume of the Empress, festive illuminations and fireworks embodied her official image and substantiated the legitimacy of her power. During the allegorical performances, the empress began to be likened to the ancient goddesses Minerva and Astrea.

The reviewed materials make it possible to establish that the approval of Catherine II on the Russian throne was the result of not only a successful coup, but also a masterfully conducted PR campaign, during which the wife of the late emperor for contemporaries and descendants was turned into the heroic “Savior of Russia and Orthodoxy” and the “Great Mother of the Fatherland”.

Keywords: Catherine II, Peter III, image of the empress, PR campaign, coronation, illuminations, fireworks, masquerade.

Введение. Дворцовый переворот 28 июня 1762 г., в ходе которого законный император был свергнут и убит, а его супруга-иноземка пришла к власти, был неоднозначно воспринят современниками и не мог гарантировать заговорщикам полный успех. Для удержания власти следовало склонить на сторону императрицы общественное мнение полной посмертной дискредитацией Петра III и создать такой образ Екатерины II, который убеждал бы подданных в ее исключительных личных качествах, позволивших преступить закон. Эти задачи решались в ходе пиар-кампании, развернувшейся в 1762–1763 гг. Ее изучению посвящена настоящая работа.

Личности Екатерины II и ее правлению посвящено множество трудов. Однако выбранный нами аспект — создание ее имиджа после вступления на престол — еще не стал предметом специального изучения ни отечественных, ни зарубежных историков XIX–XXI вв.; затрагивались лишь отдельные стороны этой проблемы. Ричард С. Уортман рассмотрел придворные церемонии и празднества как значимый фактор в процессе утверждения и функционирования власти в императорской России, в том числе в первый год правления Екатерины II¹. Г. В. Ибнеева обратила внимание на значение титула «Мать Отечества» как легитимирующего власть императрицы, на проецирование этого образа не только на дворянство, но и на другие слои населения, на ее сакрализацию, на «проявление коллективного благоговения, соборного единения перед лицом венценосной особы» во время ожидания ее въезда в города во время путешествия². Н. В. Бессарабова подчеркнула большую роль политической рекламы в создании монаршего образа³. О. А. Котова затронула приемы формирования его образа идеальной государыни⁴. Анализу мифологических аллегорий императрицы в литературе, уподоблявших ее античным богиням, посвящена книга В. Ю. Проскуриной⁵. Важными для нашей работы представляются выводы А. А. Махотиной, показавшей, что декор триумфальных арок Москвы, оформленных к приезду Екатерины II, подчинялся единой программе и создавал образ «триумфатора-победителя»⁶. При всей значимости накопленных наблюдений в них не учитывалась концептуальная основа и первая публичная презентация образа, а это не позволяет составить о нем целостное представление. Задача данного исследования — выявить законодательную основу образа Екатерины II, его главные черты и реконструировать процесс его разработки и презентации подданным во время праздничных мероприятий 1762–1763 гг. Это определяет новизну и актуальность исследования.

Источники для изучения темы многочисленны и разнообразны. основополагающими документами стали императорские указы, в которых была сформулирована

¹ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 17, 18, 350–351.

² Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. Глава 7. Церемониал путешествий венценосной особы. М., 2009. С. 336–407.

³ Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма. М., 2014. С. 102–109.

⁴ Котова О. А. Государственная деятельность Екатерины II: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 74–94.

⁵ Проскурина В. Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

⁶ Махотина А. А. Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. С. 38–47.

концепция имиджа Екатерины II. Они рассылались по стране, доводились до сведения подданных чиновниками и духовенством, публиковались в «Московских ведомостях» и «Санкт-Петербургских ведомостях». Вторым важным комплексом материалов стали описания церемоний с изложением речей их участников из числа высших сановников, местных элит и духовенства, сохранившиеся в сообщениях камер-фурьерских журналов за 1762–1763 гг. и в прессе; публикации речей профессоров Академии наук и Московского университета, проповеди духовенства. Они раскрывают процесс усвоения и интерпретации представителями различных социальных групп официальной трактовки образа императрицы. Третья группа источников — описания зрелищных представлений, проходивших в Москве и Санкт-Петербурге, позволяющие понять формы визуализации официального образа. К их числу относится и сценарий⁷ маскарада «Торжествующая Минерва», замысел которого был непосредственно связан с задачами пропагандистской кампании. Образ императрицы воплощали дошедшие до нас вещественные памятники: предметы ее коронационного костюма — платье и корона; изобразительные материалы — медали А. Г. Вехтера; живописные портреты, скульптура и другие. Среди архивных источников в настоящей работе использовались документы Святейшего синода⁸ и Комиссии о коронации Екатерины II.

Ход и результаты исследования. Первые недели правления Екатерины II отмечены изданием указов, призванных успокоить подданных, склонить общественное мнение на сторону новой власти и создать благоприятный фон для презентации ее образа. Первого июля гвардейским полкам была возвращена прежняя форма⁹ и содержание на прежнем основании¹⁰. Пятого июля был учрежден элитный кавалергардский корпус¹¹ и по всей стране была снижена цена на соль на десять копеек за пуд¹², манифест 18 июля обещал бороться с процветавшим в стране лихоимством и мздоимством¹³, 12 августа был отменен манифест Петра III о секуляризации монастырских вотчин¹⁴.

Одновременно шла законодательная разработка имиджа императрицы в высочайших указах. Контуры образа были обозначены уже в первых манифестах 28 июня

⁷ «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года, генваря дня». М., 1763.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Синод. Оп. 43. Д. 165, 179.

⁹ Указ 1 июля 1762 г. «О имени в полках мундиров, какие при государыне императрице Елизавете Петровне, были» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, состоявшиеся с благополучнейшего вступления ее императорского величества на всероссийский императорский престол, с 28 июля 1762 года по 1763 год. М., 1763. С. 5.

¹⁰ Указ 5 июля 1762 г. «О содержании лейб-гвардии полков на прежнем основании» // Там же. С. 11.

¹¹ Указ 5 июля 1762 г. «Об учреждении кавалергардского корпуса» // Там же. С. 38–41.

¹² Указ 5 июля 1762 г. «О сбавке с соли по 10 копеек с пуда» // Там же. С. 12; Московские ведомости. 1762. 23 июля. № 59.

¹³ Указ 18 июля «О лихоимстве» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 41–44; Российский государственный архив древних актов. (РГАДА). Ф. 248. Комиссия о коронации Екатерины II. Д. 7468. Л. 177.

¹⁴ Указ 12 августа 1762 г. «Об отдаче архиерейских и монастырских деревень по-прежнему в управление духовным» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 92–99; Московские ведомости. 1762. 10 сентября. № 73.

и 6 июля и подавались на фоне негативных характеристик свергнутого императора. Смена власти обосновывалась «непригодностью» Петра III к правлению страной и христианскими представлениями о Божественной природе власти¹⁵. По византийской традиции «императора обожествляли как божьего избранника, не было страшнее преступления, чем “оскорбление величества”. Но мятеж против него как личности, недостойной трона, не осуждался, если мятежники выходили победителями»¹⁶. В таком случае свержение монарха можно было расценивать с точки зрения «общего блага», теории хорошо известной в России со времен Петра I¹⁷.

Стержнем пропагандистской кампании стал тезис о завоевании императрицей престола как героическом акте спасения государства. Переворот 28 июня был объявлен героическим жертвенным подвигом ради любви к подданным и их избавления от «опасности, нависшей над страной». Императрица провозглашалась «Богом данной», «Героиней», «Спасительницей России и православия», окруженной «любовью... верноподданных и истинных сынов российских». Эти клише в дальнейшем вошли во многие указы¹⁸ и через прессу¹⁹ и духовенство проникали в сознание подданных. Действия же Петра III задачам общего блага и пользы не соответствовали. Проводимая им внутренняя и внешняя политика изображалась как не отвечающая интересам страны и противоречившая линии предшественников. Его обвинили в покушении на православие, намерении принять «иноверный закон», «ниспровержении» внутренних порядков, нарушении порядка престолонаследия (не провозгласил Павла Петровича наследником), пренебрежении законами и правосудием, «расточительстве государственных средств», ненависти к гвардии, заключении мира с Пруссией и намерении вести войну с Данией. Петр III объявлялся неспособным к правлению из-за своих личных качеств: «малости духа к правлению столь великой империей», «самовластию» и предпочтении угождать «своим страстям»²⁰. Несостоятельность большей части обвинений в последние годы была обоснована исследователями²¹.

Манифест 6 июля наметил еще одну важную грань образа Екатерины II — ее мифическую принадлежность к династии Романовых, что было важно для утверждения легитимности ее власти. Петр III как бы отделялся от своего рода через обвинение в будто бы враждебном отношении к родной тетке Елизавете Петровне

¹⁵ «...Ибо нет власти не от Бога» (Павел. «К римлянам». 13:1. [Матф. 29:18].); Манифест «О вступлении на престол императрицы Екатерины II» 6 июля 1762 г. // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 3–4.

¹⁶ *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. М., 1974. С. 49–50.

¹⁷ См. об этом: *Ибнеева Г. В.* Указ. соч. С. 305–306.

¹⁸ См. например: О являющихся преступниках <Указ о заговоре Гурьевых – Хрущовых> 27 октября 1762 г. // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 137–140.

¹⁹ См., например: Московские ведомости. 1762. 23 июля. № 59.

²⁰ Обстоятельный манифест о восшествии Ее Императорского Величества на Всероссийский престол // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 14–23.

²¹ См., например: *Мыльников А. С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002. С. 133–136; *Сафонов М. М.* Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59; *Его же.* «Полк Его Высочества» // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37; *Фаузова И. В.* Коронационный маскарад 1763 г. — феномен политической сатиры // Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники: сб. статей в 2 кн. / отв. ред. И. А. Воронникова. Кн. 1. М., 2020. С. 347–388.

и стремлении «поручить» наследие и заветы великого деда. Екатерина Алексеевна, напротив, была представлена последним звеном правящей династии, почитательницей Елизаветы Петровны и преемницей дел Петра I. Ее «включили» в генеалогическое древо Романовых через объявление покойной императрицы ее «вселюбезнейшей теткой», а Петра I — ее «дедом»²². Указание на эти «родственные» связи вошло во многие последующие документы. Например, в указе «О военной дисциплине» Елизавета Петровна была названа ее теткой²³. В указе об отмене тайной канцелярии Петр I был назван ее дедом²⁴.

Мифология преемственности от законных правителей стала важным направлением конструирования образа Екатерины II, а в дальнейшем была соединена и с династией Рюриковичей через отливку ее колоколов из колоколов предшественников. В 1775 г. эта символика была воплощена сразу в двух колоколах. Один из них — «Лебедь» — был отлит из колокола великого князя Василия III 1532 г., который переливался из колокола его отца великого князя Ивана III 1503 г.²⁵ Второй колокол — «Медведь» — был перелит из благовестника царя Ивана Грозного, отлитого в Новгороде в 1571 г.²⁶

Другим примером развития этого мифа является хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) гравюра неизвестного автора XVIII в., на которой Екатерина II изображена в центре в окружении князя Владимира, осеняющего ее крестом, царя Ивана IV, возлагающего на ее голову корону, Петра Великого, передающего ей скипетр, и Елизаветы Петровны, подающей ей подзорную трубу²⁷. Таким образом, Екатерина II представлена преемницей не только Романовых, но и Рюриковичей.

Через четыре дня после переворота, 2 июля 1762 г., была опубликована «Форма о титулах»²⁸. Этот документ присвоил Екатерине II титулы «Великая» и «Всемиловитивейшая». Титул «Великая» необходимо было писать в докладах от Сената и коллегий, в челобитных и доношениях. Титул «Всемиловитивейшая» следовало указывать после титула «Великая» в челобитных и доношениях²⁹, он был включен в присягу³⁰ подданных и таким способом прочно вошел в их сознание. Принесение

²² Обстоятельный манифест о восшествии Ее Императорского Величества на Всероссийский престол. С. 14–23.

²³ Указ 22 сентября 1762 г. «О военной дисциплине» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 113; Московские ведомости. 1762. 28 сентября. № 78.

²⁴ Указ 19 октября 1762 г. «О уничтожении Тайной Канцелярии» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 130–136.

²⁵ *Костина И. Д.* Колокола XIV–XIX веков: каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2015. С. 130–133.

²⁶ Там же. С. 133–136.

²⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 4. № 736. Л. 1. Гравюра была введена в научный оборот Г. В. Ибнеевой (*Ибнеева Г. В.* Указ. соч. С. 392).

²⁸ Форма о титулах Ея Императорского Величества // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 5–7.

²⁹ Там же. С. 6, 7.

³⁰ Текст присяги Екатерине II: «Аз нижеименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Евангелием, в том, что хочу и должен Ее Императорскому Величеству, моей Всемиловитивейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, и Ее Императорского Величества Любезнейшему Сыну, Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, законному Всероссийского Престола Наследнику, верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя

присяги началось в день переворота, продолжалось во время и после коронации. Присягать должны были все подданные: лица гражданские, военные и духовные³¹. Титул «Великая» присутствовал и в самом названии первого сборника указов Екатерины II, опубликованного в 1763 г.³² «Форма о титулах» была разослана по всей стране. По указу 8 июля 1762 г. сто экземпляров издания направили «к синодальным членам и прочим епархиальным архиереям, в ставропигиальные лавры и монастыри ко властям с братиею, также в московскую синодальную контору»³³. Титул «Великая» был включен в «возношения во всех церквях... высочайших имен» императрицы и наследника в церковных службах всех храмов. По епархиям были разосланы две тысячи специальных служебных форм титулования императрицы во всех священнослужениях³⁴.

Эффективным способом легитимизации новой власти стали создание образа Матери Отечества и акцентировка «матерней» заботы императрицы о подданных и ее «матернего милосердия». Петр I, изменивший порядок престолонаследия, «ввел в российскую политическую мысль новый критерий оценки личности самодержца, который своими деловыми качествами должен соответствовать роли повелителя великой страны»³⁵. С этим связан выработанный Феофаном Прокоповичем постулат о долге, обязанности монарха и его образцовой службе на троне. Это подвело базу под идею патернализма (монарха — отца отечества и народа)³⁶. Образ царя-труженика после Петра I стал эталоном для российских правителей. Екатерина II взяла его за образец. Служение общему благу подданных как Матери Отечества стало неотъемлемой частью ее имиджа. Вскоре после переворота образ заботливой и милосердной матери, которая самоотверженно служит Отечеству, стал появляться в императорских указах, в печати и постепенно проникал в общественное сознание. «*Матерним милосердием*» и «*матерним попечением*» были продиктованы указы о снижении цены на соль³⁷ и «О лихоимстве»³⁸. О своих трудах «с *Матерним попечением*» императрица заявила в манифесте о заговоре Гурьевых – Хрущовых, разосланном по всей империи³⁹ и опубликованном в прессе. «*Матерним милосердием*» диктовалась амнистия заключенным по случаю

живота своего до последней капли крови; в чем Господь Бог мне душевно и телесно да поможет. В заключении сей моей клятвы, целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь» (РГАДА. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 310. Л. 3; Присяга. Клятвенное обещание // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 4).

³¹ В документах Св. Синода сохранилось дело о рассылке манифестов 28 июня и 6 июля 1762 г. с текстом присяги и получении отчетной документации из всех епархий с подписями всех присягнувших священнослужителей (РГИА. Ф. 796. Синод. Оп. 43. Д. 179. Л. 1–5, 7–22, 38–47).

³² См. прим. 9.

³³ РГИА. Ф. 796. Синод. Оп. 43. Д. 165 «О короновании Екатерины II». Л. 7.

³⁴ Там же. Д. 179. Л. 6–6 об., 25–33, 34 об.– 37 об.

³⁵ *Андреева Л. А.* Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001. С. 123.

³⁶ Там же.

³⁷ Указ 5 июля 1762 г. «О сбавке с соли по 10 копеек с пуда». С. 12.

³⁸ Указ 18 июля «О лихоимстве». С. 42–44; РГАДА. Ф. 248. Комиссия о коронации Екатерины II. Д. 7468. Л. 177.

³⁹ О являющихся преступниках <Указ о заговоре Гурьевых – Хрущовых> 27 октября 1762 г. С. 137–140.

коронации⁴⁰. В «Описании вшествия в Москву и коронования...» Екатерина II была титулована «Великой государыней» «Матерью и избавительницей Отечества»⁴¹.

Первая публичная презентация образа императрицы состоялась во время коронационных торжеств, начавшихся с приезда Екатерины II в Москву 9 сентября. 11 сентября в селе Петровском с благополучным прибытием ее поздравляло высшее духовенство, московская знать, генералитет, придворные и прибывшие из Малороссии войсковые старшины. Первенствующий член Священного синода новгородский архиепископ Дмитрий в своей речи озвучил узаконенные черты ее образа и величал императрицу «*Матерью и защитницей Отчества и благочестия*»⁴². Атаман Запорожского казачества назвал ее «*Богом данной*» «*благочестивейшей, великой государыней... Матерью Отечества Всемилостивейшей*»⁴³.

13 сентября «при неопisanном множестве народа и при неоднократной пальбе из пушек»⁴⁴ состоялось торжественное «вшествие» Екатерины II в первопрестольную. На ее пути по Тверской улице стояли вновь возведенные триумфальные ворота в Земляном городе (современная Триумфальная площадь) и в Белом городе (современная Пушкинская площадь); старые Воскресенские и Никольские ворота приобрели новое декоративное убранство⁴⁵. По сторонам первых ворот располагались церковь Дмитрия Солунского и Страстной монастырь⁴⁶, создававшие сакральное пространство над аркой. Вторые ворота соседствовали с храмом Благовещения Пресвятой Богородицы, их венчала пышная императорская корона⁴⁷. В художественном убранстве первых двух ворот присутствовали знамена, военная арматура и трофеи, символизируя въезд в Москву императрицы-победительницы⁴⁸. В декоре арок угадывались клише образа царицы: на всех воротах она была изображена «спасительницей народа, посланной Богом», «защитницей православия», исполненной любовью к народу и окруженной ответной любовью подданных к ней⁴⁹. В оформлении арок присутствовали негативные образы Петра III и его эпохи как времени упадка и невзгод, и знаки процветания наступивших времен⁵⁰. Православную составляющую имиджа царицы как Божьей избранницы включили в украшения всех арок, но особый акцент сделали на декоре парадных въездов в Кремль — Воскресенских и Никольских воротах. Центральную

⁴⁰ Указ 22 сентября 1762 г. «Об отпущении вин впадшим в разные преступления, и начетах, и казенных взысканиях» // Указы Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой государыни... С. 116–118.

⁴¹ Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в императорскую древнюю резиденцию, богоспасаемый град Москву, и освященнейшего коронования ее августейшего величества, всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы Екатерины Второй, самодержицы всероссийской, матери и избавительницы Отечества, еже происходило вшествие 13, коронование 22 сентября, 1762 года // Камер-фурьерский журнал 1762 года. № 63. СПб., 1763. С. 1.

⁴² Там же. С. 6–7.

⁴³ Там же. С. 8–9; Московские ведомости. 1762. 1 октября. № 79.

⁴⁴ Московские ведомости. 1762. 17 сентября. № 75.

⁴⁵ Махотина А. А. Указ. соч. С. 31.

⁴⁶ Там же. С. 32–34.

⁴⁷ Там же. С. 34.

⁴⁸ Там же. С. 42.

⁴⁹ Там же. С. 43–44, 46–47.

⁵⁰ Там же. С. 44, 47.

нишу Воскресенских ворот венчал вензель императрицы под короной⁵¹. Она была нарисована на них держащей за руку цесаревича Павла Петровича. Вседержитель одной рукой ее благословлял, а другой подавал скипетр. На внутренней стороне Никольских ворот со стороны Кремля было изображено миропомазание⁵².

Возле этих ворот Московский митрополит Тимофей приветствовал царицу как «*благочестивейшую великую государыню*», «*российскую избавительницу*» и «*чадолюбивую мать*»⁵³. Студенты Славяно-греко-латинской академии, выстроенные по обеим сторонам ворот, в белых одеяниях с венцами на головах и лавровыми ветвями в руках восславили ее как «избранницу Бога»⁵⁴.

Вечером того же дня перед зданием университета состоялась иллюминация. Обелиски с монограммами ее величества, портретом и парящей славой окружали пальмовые и лавровые ветви — символы победы и бессмертия. Аллегорические изображения на обелисках показывали царицу образцом благочестия и гарантом безопасности страны, а сходящая с небес Астрея с весами и рогом изобилия обещала наступление золотого века — времени справедливости и благополучия⁵⁵.

Апогеем триумфа Екатерины II стала коронация 22 сентября. Она проходила в Успенском соборе Кремля, где с середины XVI в. совершались все инаугурационные церемонии и благодать Святого Духа изливалась на российских правителей. Символический смысл церемонии был тщательно продуман. Образ императрицы воплотил главную идею первых манифестов о ее исключительной героической миссии как спасительницы России. Коронационное платье украшала аппликация из ста семидесяти двух гербов, шитых цветными шелками, блестками и золотыми нитями⁵⁶. «Множественное... повторение изображения государственного герба в коронационном платье позволило создать поистине триумфальный образ императорской власти. <...> Выйдя на Красное крыльцо утром в день коронации... императрица еще до совершения над ней таинства миропомазания предстала перед подданными в образе самой России»⁵⁷. Во время церемонии образ ее величества дополнили золотая парчовая мантия с горностаем, на которой сияли еще двести два герба, и корона, ставшая «самой богатой вещью в Европе»⁵⁸. Она была выполнена ювелиром И. Позье⁵⁹ в традиционной форме из двух ажурных полушаров — знака единства светской и духовной власти в руках монарха, — скрепленных венцом-обручем. «Снизу сетку полушарий охватывали пышные лавровые

⁵¹ Обстоятельное описание торжественных порядков... С. 35.

⁵² Там же. С. 44, 45.

⁵³ Там же. С. 24–25.

⁵⁴ Там же. С. 26–27.

⁵⁵ Описание иллюминации, представленной пред домом Императорского Московского Университета, для благополучного пришествия в Москву Ея Императорского Величества, Благочестивейшей, Великой Государыни Императрицы Ек-атерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской. 1762 году. [М.], [1762]. С. 3.

⁵⁶ Амелехина С. А. Церемониальный костюм российского императорского двора в собрании музеев Московского Кремля. М., 2016. С. 84; РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 26. Л. 18; Музеи Московского Кремля. Инв. № Тк-2893/1–3.

⁵⁷ Амелехина С. А. Указ. соч. С. 88.

⁵⁸ Позье И. Записки придворного бриллианщика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 год // Русская старина. 1870. Т. I. С. 136.

⁵⁹ Там же.

ветви — символ власти и славы... триумфатора», гирлянда из дубовых листьев и желудей между полушариями означала крепость и прочность власти⁶⁰. Созданный во время коронации образ воплощал триумф и славу персонифицировавшей Россию Екатерины II.

Процедура коронации включала вручение регалий и таинство миропомазания, во время которого на государя сходил Святой Дух и он приобретал дар общения с Богом⁶¹. Во время церемонии императрица приняла корону из рук архиепископа Дмитрия и сама возложила ее на голову⁶². Он же вручил ей скипетр и державу⁶³. В своей речи архиепископ подчеркнул Божественную природу ее власти, генеалогию связал с «*бого-венчанными предками*» и провозгласил «*благочестивейшей Великой государыней*»⁶⁴, публично обозначив от лица Святейшего синода новую грань ее образа.

Та же образная символика присутствовала на двух коронационных медалях и визуализировалась во время торжеств после коронации. На одной из них императрица выступала спасительницей православной веры и России: на лицевой стороне помещалось ее профильное погрудное изображение в короне и мантии, на оборотной — фигуры Веры и России в виде женщин, держащих щит с вензелем императрицы. Над ними парил Божий Промысел с императорской короной и скипетром в руках⁶⁵. На оборотной стороне другой медали Екатерина II была представлена принимающей корону от коленопреклоненной фигуры Петербурга, а на лицевой ее стороне она была изображена в образе торжествующей Минервы⁶⁶.

Метафорический смысл первой медали был раскрыт перед публикой вечером 22 сентября во время иллюминации возле здания университета. В центре был портрет Екатерины, попирающей поверженные символы войны и принимающей с небес корону. Фигура России вручала ей скипетр и получала от нее пальмовую ветвь как символ мира, который царица будто бы даровала подданным. Аллегии коммерции, земледелия, наук, художеств и изобилия подходили к портрету и образу России⁶⁷ в знак грядущего благополучия при легитимной императрице.

Образ Спасительницы тысячи зрителей увидели и во время большого фейерверка, состоявшегося вечером 29 сентября напротив Кремля на Царицыном лугу. В его описании переворот 28 июня был назван «великим приключением патриотического и мужественного восшествия на престол... *Всемилоостивейшей... Матери Отечества*». Сначала был показан упадок страны в правление Петра III. Аллегория России увидела страну «в унынии и оскорблении». Темное облако угрожало жестокою грозой. «Россия пришла в обморок, и наклонялась к падению. Всемогущий Бог

⁶⁰ Горева О. В. Алмазная сокровищница России. М., 2006. С. 23.

⁶¹ 1 Цар. 9:15; 10:1, 6–9.

⁶² Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия... С. 86.

⁶³ Там же. С. 87.

⁶⁴ Там же. С. 77–78; 86–87.

⁶⁵ Вехтер И. Г. (?) Медаль «В память коронования императрицы Екатерины II. 1762 г.». Государственный исторический музей (ГИМ), Отдел нумизматики 93328/КП-71542 // Екатерина Великая и Москва. Каталог выставки. М., 1997. С. 48–49.

⁶⁶ Вехтер И. Г. Медаль «На вступление на престол императрицы Екатерины II. 1762». ГИМ 93328 КП ОН 715428 // Екатерина II: путь к трону. Каталог выставки. М., 2012. С. 237.

⁶⁷ Штелин Я. Я. Описание аллегорической иллюминации, представленной во всерадостнейший день коронации ея императорскаго величества, Екатерины Вторья, самодержицы всероссийския, и пр., и пр., и пр. в Москве пред Университетским домом, 1762 году, сентября дня. [М.], 1762.

прогнал облако и послал избавление в лице императрицы, на вензель которой ниспослал корону. Россия ожила, новой будто жизнью озаренная»⁶⁸.

Одной из ключевых идей сценариев иллюминации и фейерверка был тезис о миротворческой миссии Екатерины, что стало еще одной важной характеристикой образа императрицы, якобы подарившей народу мир и связанные с этим блага. Однако в июле – сентябре 1762 г. Россия не вела военных действий и не заключала мирных договоров. Войну с Пруссией (1757–1762) завершил Петр III заключением сепаратного мира с Фридрихом II. Екатерина II не стала восстанавливать российское правление в Пруссии, подтвердила приказ о выводе с ее территории армии и мирный договор с Фридрихом II⁶⁹. В 1764 г., «спустя всего два года, когда пропагандистский шум в Петербурге утих, Екатерина подписала с тем же Фридрихом Прусским новый союзный договор, ряд статей которого... повторял пункты “предательского” договора Петра III»⁷⁰. Вопрос о войне с Данией, которую Петр III намеревался начать осенью 1762 г.⁷¹, с приходом к власти Екатерины II был снят с повестки дня. Но в указе 22 сентября «О военной дисциплине» императрица заявила, что после вступления на престол «того же часа... мы себе мир и тишину для сохранения рода человеческого в Отечестве нашем определили, а войску своему повелели вернуться в свои границы»⁷². Иными словами, заслугу прекращения войны она приписала себе. Такой вывод подтверждают и комментарии к описанию иллюминации 22 сентября: «Мир, который ныне предпочтен кровопролитной войне... будет надежнейшим средством к учинению подданных счастливыми»⁷³.

По случаю прошедшей коронации утром 3 октября в Московском университете состоялось публичное собрание ученых и любителей наук⁷⁴. Профессор ораторского искусства А. Барсов, озвучив узаконенные черты монаршего образа, расширил генеалогию императрицы и назвал Екатерину I ее «бабкой», а всех венчаных и коронованных российских правителей ее предками⁷⁵. Профессор истории Рейхель подчеркнул, что «науки приращение получают от покровительства и любви к ним государей»⁷⁶.

⁶⁸ Штелин Я. Я. Описание аллегорического изображения, в заключении великолепных торжеств, по совершении коронации ея величества Екатерины Вторья, императрицы и самодержицы всероссийския и проч. и проч. и проч., великим фейерверком представленного в императорской резиденции Москве, против Кремля, сентября 1762 года. М., [1762].

⁶⁹ Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии. Ч. 1. Калининград, 2001. С. 50.

⁷⁰ Мельников А. С. Указ. соч. С. 22.

⁷¹ Курукин И. В. «Горю желанием исполнить Всевысочайшее... соизволение...». Корпус П. А. Румянцева и несостоявшаяся война с Данией в 1762 году // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 59–64.

⁷² Указ 22 сентября 1762 г. «О военной дисциплине». С. 111–112; Московские ведомости 1763. 24 сентября. № 77. Прибавление.

⁷³ Штелин Я. Я. Описание аллегорической иллюминации...

⁷⁴ Московские ведомости. 1762. 4 октября. № 80.

⁷⁵ Барсов А. Слово, говоренное по совершении Высочайшего Коронования, Ея Всепресветлейшаго Величества Благодетельшии Великия Государыни, Екатерины Вторья, Императрицы и Самодержицы Всероссийския в публичном собрании императорскаго Московскаго Университета, Октября 3 дня 1762 году, профессором элоквенции Антоном Барсовым. М., 1762. С. 1–1 об., 2–2 об., 8–8 об.

⁷⁶ Московские ведомости. 1762. 4 октября. № 80.

Тезис развил и Г. Ф. Миллер на торжественном заседании в Академии наук 23 сентября⁷⁷. Екатерину II начали превозносить как покровительницу образования и просвещения⁷⁸. Эта же тема присутствовала и в описании иллюминации 22 сентября, где Екатерина II была представлена не только как православная царица и защитница православия, но и как языческая богиня Минерва. На одной из коронационных медалей она была изображена облаченной в доспехи Минервой.

Амбивалентный образ богини позволял видеть в ней и мудрого стратега войны, и покровительницу мирных занятий — наук, ремесел и искусств. Появление этой аллегии перед широкой публикой добавило новую, мифологическую грань к публичному образу императрицы и было напрямую связано с тезисом о ее «миротворчестве». В XVIII в. на фоне европеизации культуры наблюдалось противоестественное для православия соединение христианских и античных символов. Распространение мифологических знаний и уподобление монархов античным богам со времен Петра I стало частью государственной политики, направленной на европеизацию страны⁷⁹. «...Мифология становится чем-то вроде государственных регалий», или «гражданского культа императора»⁸⁰. Церковь, ставшая в ходе реформ частью вертикали власти, не только не осуждала этого, но, напротив, активно проводила в жизнь. Протест против мифологии мог восприниматься властью как противогосударственное деяние⁸¹. С богинями Минервой и Астреей сравнивали и предшественниц Екатерины II на российском престоле⁸². Великую княгиню Екатерину Алексеевну уподобляли богине мудрости еще в 1750-е гг.⁸³. После вступления на престол образ Минервы стал одной из важнейших ее аллегорий.

Второй античной аллегорией Екатерины II стала богиня справедливости Астрея. Ее образ был связан с мифом о золотом веке — земном рае, и явлении девы Астреи, спустившейся на землю, чтобы научить людей справедливости и закону, и последней из божеств покинувшей землю и вознесшейся на небо, когда с приходом железного века, царства зла, войн и пороков, люди забыли любовь и занялись грабежом⁸⁴. Вергилий в IV эклоге «Буколик» привел пророчество Сивиллы о скором наступлении золотого века, который принесет изобилие, добродетели, справедливость и закон⁸⁵, и связал с этим возвращение на землю Девы (Астреи) и рождение младенца —

⁷⁷ Торжество благополучно совершившагося в Москве коронования и миропомазания Благочестивейшия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския, отправленное Императорскою Академиею Наук в публичном собрании, Сентября 23 дня 1762 года. СПб., 1762.

⁷⁸ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 164.

⁷⁹ См. об этом: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV. XVIII – начало XIX века. М., 2000. С. 484–488.

⁸⁰ Там же. С. 481.

⁸¹ Там же.

⁸² Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 65–67; Уортман Р. С. Указ. соч. С. 122–128.

⁸³ Погосян Е. А. Момус и Превратный свет в маскарде «Торжествующая Минерва» // И время и место: Историко-филологический сборник к 60-летию А. Л. Осповата. М., 2008. С. 55.

⁸⁴ Об этом см.: Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла. М., 2001; Овидий Назон Публий. Метаморфозы. М., 2021.

⁸⁵ Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / пер. С. Шервинского. М., 1971. С. 50, 51; Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 60.

Божественного отрока⁸⁶. Миф об Астрее был широко известен в европейской культуре. В России в XVIII в. после изменения Петром I порядка престолонаследия и появления на престоле несовершеннолетних законных царей при матерях, не являвшихся легитимными правителями, миф об Астрее и возвращении золотого века приобрел популярность. Образ богини связывали с Анной Леопольдовной и ее младенцем Иваном Антоновичем, с Елизаветой Петровной и ее племянником Петром Федоровичем. Настоящего расцвета миф об Астрее достиг в эпоху Екатерины II⁸⁷. Ее воцарение официальная пропаганда уподобила возвращению Астреи и провозгласила наступление золотого века.

Если в дни коронационных празднеств идеологи пиар-кампании сделали акцент на миротворчестве императрицы и образе Минервы, то новогодние торжества стали поводом заявить о грядущем благоденствии России при новой власти и обратиться к теме возвращения золотого века. Именно так был назван фейерверк, состоявшийся вечером 1 января 1763 г. перед императорским дворцом. Описание начиналось с рассуждений Овидия о добрых и злых временах, которые зависели от достоинств правителей. «Златым веком» в России автор назвал правление Петра Великого и его дочери Елизаветы. Обойдя молчанием правление Петра III и исключая его тем самым из числа достойных правителей, он утверждал, что с воцарением «всемиловитейшей матери Отечества» произошло возвращение золотого века⁸⁸. На первом плане в центре сцены возвышался столб римского императора-триумфатора Траяна с монограммой Екатерины под короной, окруженный множеством дымящихся алтарей. На них народы Российской империи возжигали «жертвы верности и любви» императрице. На втором плане на фоне цветущей аллеи стоял закрытый храм двуликого бога Януса, запиравшего ворота во время мира. На третьем, главном плане изображался «златой век» — земной рай. Астрея на облаке сходила с небес для пребывания между блаженными от золотого века людьми.

Темы золотого века, явления Астреи и триумфа Минервы были продолжены во время уличного маскарада «Торжествующая Минерва», который проходил в Москве 30 января, 1 и 2 февраля 1763 г. и завершил торжества по случаю пребывания в Москве императрицы. Маскарад инициировали сторонники императрицы при ее участии. Главным режиссером, сценаристом и постановщиком был участник переворота, автор первого манифеста 28 июня — актер Ф. Г. Волков; М. М. Херасков написал стихи, а А. П. Сумароков — хоры к маскараду. Образ Екатерины II, начиная с манифеста 6 июля, формировался как антитеза образу Петра III. В полной мере она была развернута в маскараде. В сценарии первого, сатирического отделения были противопоставлены супруги-соперники. Аллегорией свергнутого императора выступал бог насмешки и злословия Момус, выходом которого представление начиналось. В восьми из девяти его частей присутствовали отчетливые намеки на страсти покойного,

⁸⁶ Публий Вергилий Марон. Указ. соч. С. 50; Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 60.

⁸⁷ Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 64–67.

⁸⁸ Возвращение золотого века, при благословенном и благополучнейшем государствовании Ее императорского величества, всепресветлейшей, державнейшей, Великой государыни Екатерине Второй, императрицы и самодержицы всероссийской, с вернейшим усердием и всеподданнейшим поздравлением Нового года, от счастливой России под кротчайшей ее императорского величества державою, в фейерверке представленное пред императорским домом в Москве в первый вечер 1763 году. [М.], [1763].

которые безжалостно высмеивались⁸⁹. Далее следовала сцена с Юпитером, наказывавшим пороки. Она, вероятно, символизировала переворот. Затем являлась Астрея и добродетели — символы золотого века и нового правления. Завершался маскарад торжеством богини Минервы, которая сходила с небес в запряженной восьмеркой белых лошадей колеснице со шлемом на челе, знаками своего могущества и трофеями. Маскарад 1763 г. завершил единоборство супругов: политический противник Екатерины II — ее покойный муж — в образе бога Момуса был полностью дискредитирован; бывшая немецкая принцесса в образе богини мудрости одержала триумфальную победу.

Образ российской Минервы вновь появился в Петербурге 28 июня 1763 г. По случаю первой годовщины вступления императрицы на престол перед Летним дворцом на Неве состоялся фейерверк, в котором публика увидела богиню сразу в двух ипостасях⁹⁰. В одной картине она явилась на скалистом острове на фоне храма Паллады, облаченная в воинские доспехи как грозная, справедливая и мудрая защитница Отечества. Во второй она предстала на цветущем острове Наук и Увеселений как покровительница науки, ремесел и художеств, с рогом изобилия в руке и совой, символом мудрости, возле ног.

В этот же день во всех храмах империи прошло «благодарственное моление... за возведение на российский престол *“Благочестивейшей... Великой Государыни”*». Оно было составлено по решению Святейшего синода вскоре после коронации. Его следовало совершать во всех церквях дважды в году: в день ее восшествия на престол и в день коронации⁹¹. В молении присутствовали главные черты образа императрицы и проводилась мысль, что возведением на престол Екатерины II Господь «оживил всеми своими силами Россию, умертвленную внутренними смятениями и внешними напастями»⁹².

Заключение. Официальный образ Екатерины II был сконструирован законодательно в первые недели после переворота. Императрица была представлена «Богом данной» героической «Спасительницей» России и православия, «Великой» «Благочестивейшей» «Всемиловитвейшей» «Матерью Отечества» и миротворицей, подарившей подданным мир. Официальная пропаганда утверждала, что она состояла в родственных отношениях с Романовыми. Первая публичная презентация монаршего образа состоялась в Москве во время коронационных торжеств и последующих празднеств. Концепция образа была воплощена в декоре триумфальных арок, в коронационном костюме императрицы, в сценариях иллюминаций и фейерверков, в коронационном маскараде, в речах духовенства и знати, в докладах профессоров Академии наук и Московского университета. Ее тиражировала пресса. Образ императрицы подавался на фоне крайне негативных характеристик Петра III.

⁸⁹ Подробно о коронационном маскараде см.: Фаизова И. В. Указ. соч. С. 346–389.

⁹⁰ Штелин Я. Я. Описание аллегорического фейерверка...

⁹¹ «Благодарственное моление к всещедрому Богу за премилостивый его промысел во возведении на Всероссийский престол Благочестивейшей Самодержавнейшей Великой Государыни императрицы Екатерины Алексеевны и во утверждении самодержавия ее ко твердому Российской империи благосостоянию явленный в лето господне» // ОР РНБ. Фонд № 1443. Архив Барановского. Д. 66.

⁹² Там же. Л. Д об.

Таким образом, утверждение на российском престоле Екатерины II стало результатом не только успешно осуществленного государственного переворота, но и виртуозно проведенной пиар-кампании, в ходе которой бывшая немецкая принцесса и супруга свергнутого ею законного императора в глазах современников и потомков была превращена в героическую Спасительницу России и православия и Великую Мать Отечества.

Литература

1. Амелехина С. А. Церемониальный костюм российского императорского двора в собрании музеев Московского Кремля. М.: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2016. 334 с.
2. Андреева Л. А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001. 252 с.
3. Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма. М.: Эксмо, 2014. 350 с.
4. Горева О. В. Алмазная сокровищница России. М.: Лишбергов В. Б., 2006. 111 с.
5. Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV. XVIII – начало XIX века. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 449–535.
6. Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 468 с.
7. Костина И. Д. Колокола XIV–XIX веков: каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М.: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2015. 210 с.
8. Котова О. А. Государственная деятельность Екатерины II: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 245 с.
9. Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии: в 2 ч. Ч. 1. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 272 с.
10. Курукин И. В. «Горю желанием исполнить Всевысочайшее... соизволение...». Корпус П. А. Румянцева и несостоявшаяся война с Данией в 1762 году // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 59–64.
11. Махотина А. А. Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 249 с.
12. Мыльников А. С. Петр III: Повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2002. 510 с.
13. Проскурина В. Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 323 с.
14. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

References

1. Amelekhina S. A. Tseremonial'nyi kostium rossiiskogo imperatorskogo dvora v sobranii muzeev Moskovskogo Kremliia [Ceremonial costume of the Russian imperial court in the collection of the Moscow Kremlin museums]. Moscow: Gos. ist.-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskii Kreml'», 2016. 334 p. (In Russ.).
2. Andreeva L. A. Religiiia i vlast' v Rossii. Religioznye i kvazireligioznye doktriny kak sposob legitimizatsii politicheskoi vlasti v Rossii [Religion and power in Russia. Religious and quasi-religious doctrines as a way of legitimizing political power in Russia]. Moscow: Ladomir, 2001. 252 p. (In Russ.).

3. Bessarabova N. V. Puteshestviia Ekateriny Velikoi po Rossii: ot Iaroslavlia do Kryma [Travels of Catherine the Great in Russia: from Yaroslavl to the Crimea]. Moscow: Eksmo, 2014. 350 p. (In Russ.).
4. Goreva O. V. Almaznaia sokrovishchnitsa Rossii [Diamond treasury of Russia]. Moscow: Lishbergov V. B., 2006. 111 p. (In Russ.).
5. Zhivov V. M., Uspenskii B. A. Metamorfozy antichnogo iazychestva v istorii russkoi kul'tury XVII–XVIII veka [Metamorphoses of ancient paganism in the history of Russian culture of the XVIIth – XVIIIth centuries] // Iz istorii russkoi kul'tury. T. IV. XVIII – nachalo XIX veka. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2000. P. 449–535. (In Russ.).
6. Ibneeva G. V. Imperskaia politika Ekateriny II v zerkale ventsenosnykh puteshestvii [Imperial policy of Catherine II in the mirror of crowned travels]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2009. 468 p. (In Russ.).
7. Kostina I. D. Kolokola XIV–XIX vekov: katalog sobraniia Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo muzeia-zapovednika «Moskovskii Kreml'» [The bells of the XIVth – XIXth centuries: catalogue of the collection of the Moscow Kremlin state historical and cultural museum and heritage site]. Moscow: Gos. ist.-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskii Kreml'», 2015. 210 p. (In Russ.).
8. Kotova O. A. Gosudarstvennaia deiatel'nost' Ekateriny II [State activity of Catherine II]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2000. 245 p. (In Russ.).
9. Kostiashev Iu. V., Kretinin G. V. Rossiiane v Vostochnoi Prussii: v 2 ch. [Russians in East Prussia. Part 1. Biographical Dictionary]. Ch. 1. Kaliningrad: Iantarnyi skaz, 2001. 272 p. (In Russ.).
10. Kurukin I. V. «Goriu zhelaniem ispolnit' Vsevysochaishee... soizvolenie...». Korpus P. A. Rumiantseva i nesostoiavshaiasia voina s Daniei v 1762 godu [“I am desirous of fulfilling the Imperial assent...”. The corps of P. A. Rumyantsev and the 1762 abortive war against Denmark] // Voенno-istoricheskii zhurnal. 2019. № 10. P. 59–64. (In Russ.).
11. Makhotina A. A. Panagiricheskaiia programma i ee khudozhestvennoe voploshchenie v iskusstve gosudarstvennykh prazdnestv epokhi Ekateriny II [Panagieric program and its artistic embodiment in the art of public holidays of the era of Catherine II]: dis. ... kand. iskusstvovedeniia. Moscow, 2011. 249 p. (In Russ.).
12. Myl'nikov A. Petr III: Povestvovanie v dokumentakh i versiiakh [Peter III: Narrative in documents and versions]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2002. 510 p. (In Russ.).
13. Proskurina V. Iu. Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II [Empire myths. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 323 p. (In Russ.).
14. Wortman R. S. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaiia I [Scenarios of power. Myth and Ceremony in Russian monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I]. Moscow: OGI, 2002. 607 p. (In Russ.).